

ТАТЬЯНА Воронцова

Тени
утренней
росы

18+

Время запретных желаний

Татьяна Воронцова

Тени утренней росы

«Издательство АСТ»

2005

Воронцова Т.

Тени утренней росы / Т. Воронцова — «Издательство АСТ»,
2005 — (Время запретных желаний)

ISBN 978-5-17-126605-9

«Как только мужчина и женщина перестают сражаться друг с другом, они становятся счастливыми». Прекрасная мысль, которая редко приходит нам в голову. Грубые, заносчивые мужчины не встречают понимания у обидчивых, строптивых женщин – вот и вся любовь. Но если повезет встретить человека, с которым можно отпустить себя на волю, жизнь уже никогда не станет прежней! Елена не верила в любовь, которая меняет не только мир вокруг, но и самого человека. Не верила до тех пор, пока не приехала отдохнуть на древний загадочный остров Крит.

ISBN 978-5-17-126605-9

© Воронцова Т., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

1	5
2	10
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Воронцова Татьяна

Тени утренней росы

Так же как актер всегда остается человеком, надевает ли он костюм своего персонажа или откладывает его в сторону, так и полностью познавший Нетленное всегда остается Нетленным и ничем более.

Шанкарашаръя. «Вивекашадамани»

1

Полдень. Вещи и люди почти не отбрасывают тени. И вновь, как вчера и позавчера, я удивляюсь, обнаружив себя здесь, на узкой извилистой дороге, ведущей к монастырю Превели, неподалеку от того места, где горная река Мегалопотамус, вырвавшись из впечатляющего своей суровой первозданной красотой ущелья Курталиотико, впадает в Ливийское море.

Жизнь дала трещину, и это было вполне предсказуемо, если не сказать – закономерно. Беда в том, что я никогда всерьез не задумывалась о будущем. И не задумываюсь до сих пор.

Припарковавшись на плоской, как ладонь, площадке по соседству с экскурсионным автобусом, я вхожу в монастырский двор (привратник окидывает меня придирчивым взглядом, но я в джинсах и хлопчатобумажной блузке с коротким рукавом, что полностью соответствует требованиям этикета), привычно бреду вдоль стены, которую украшает мемориальная доска с текстом о подвигах солдат Британского Содружества в годы Второй мировой войны, приближаюсь к собору с двумя полукруглыми нефами и двумя алтарями, разобранному при турках и восстановленному при веротерпимых египтянах. Сворачиваю за угол и там, на каменных ступенях, ведущих к монашеским кельям, снова вижу этого парня с папкой на коленях и кусочком рисовального угля в руке.

Похоже, он приезжает сюда ежедневно. Как, впрочем, и я. Но если его еще можно понять (он здесь по делу, вдохновенно переводит бумагу, к тому же, по-видимому, не очень далеко живет), то меня... меня-то что гонит сюда за пятьдесят километров? Монастырский музей (иконы, священные сосуды, терновый венец, облачение и оружие иноков, участников освободительного движения) я уже осмотрела. На скамье перед Святыми вратами посидела. Полюбовалась превосходной панорамой южного побережья области Рефимно. Пора осваивать новые маршруты! Однако я снова здесь.

Черноволосый парень в застиранных джинсах и клетчатой рубашке навывпуск рисует левой рукой. Раньше я этого не замечала. Да я его и не разглядывала. Сидит на солнцепеке без головного убора...

Ну, хватит. Я рассердилась на себя. В конце концов, мне-то что за дело?

Он тоже увидел меня. Узнал, с мимолетной улыбкой кивнул. Черт, этого только не хватало! Я не собираюсь знакомиться с ним. Я не собираюсь знакомиться ни с кем. Мне спокойнее под моей шапкой-невидимкой.

Торопливо вступаю под своды собора, останавливаюсь у алтаря Благовещения Девы Марии.

Здесь полумрак и прохлада. Тихонько потрескивают свечи. Чей-то силуэт загораживает дверной проем. Оборачиваюсь и со стыдом ловлю себя на мысли... ну да, почему-то я была уверена, что это мой художник. Так-так. А с какой стати я называю его своим?

Как бы там ни было, это не он. Просто какой-то одинокий турист.

Выхожу на улицу, на яркий солнечный свет, и бреду через двор, мимо колодца, вниз по лестнице – к фонтану. Здесь никого нет. Со вздохом облегчения присаживаюсь на каменный бордюр и, постепенно впадая в транс, смотрю сквозь стекла солнцезащитных очков на сапфировую гладь Ливийского моря, блистающую у подножия гор.

Спустя два часа он все еще рисует – увлеченно, неумолимо. По правде говоря, меня уже разбирает любопытство, но заглядывать ему через плечо я считаю недопустимым. Всё равно что читать без спросу письма или подслушивать телефонные разговоры. Сама я давно уже не рисую, несмотря на имеющиеся навыки и специальное образование. Раньше – да. Время от времени. Когда была помоложе и не так ленива... Да нет, дело не в том. Просто в какой-то момент я поняла, что проектирование зданий не для меня. И перестала этим заниматься. А вскоре перестала и рисовать.

Встречать тусклый рассвет на громадных серых валунах под стенами Соловецкого монастыря, ежиться от ветра в короткой джинсовой курточке и рисовать, рисовать. Вот уж романтика! Обветренные губы, на лице ни грамма косметики – восемнадцатилетний гений, студентка Московского архитектурного института. Обязательная для всех практика после первого курса. Славное времечко: житье-бытье на втором этаже пустующей в период летних каникул деревенской школы. Раскладушки в ряд у стены (мальчики – 8-й «А» класс, девочки – 8-й «Б»), по вечерам плавающий под потолком сигаретный дымок (югославские сигареты «Ядран» с фильтром, пропитанным вьетнамским бальзамом «Золотая звезда», что делало их восхитительно ментоловыми, – о, студенческая смекалка!), днем архитектурные обмеры бревенчатых домов, объявленных памятниками старины, и – чертежи... нескончаемые чертежи. Кипы, тонны чертежей. Подобная работоспособность свойственна только студентам. Полугодовалые (на дворе начало восьмидесятых, в продовольственных магазинах только водка и консервы), счастливые, обалдевшие от избытка впечатлений, после каторжной работы над планами и фасадами мы спешим к берегу Белого моря или на широкое монастырское подворье – рисовать. Белое море, белые ночи... Вот где никто не заглядывал через плечо. Хмурые коренастые поморы только косились в нашу сторону с плохо скрытой неприязнью и ни разу не пытались поговорить. Мы были для них чужаками – слишком шумными, слишком заметными, слишком молодыми.

Да, есть что вспомнить. Перед сном в школьном классе, декорированном под общую спальню, – шепот, хихиканье, маленькие девичьи секреты. Днем – ползанье на карачках с рулеткой и блокнотом по нежилым теперь уже горницам, светелкам и погребам добротных бревенчатых срубов. Абсолютное, беспредельное счастье, полное отсутствие мыслей о будущем. Катание на лодках по лабиринтам каналов, прорытых сто лет назад трудолюбивыми монахами. Каналов с красной от повышенного содержания железа ледяной водой, где под днищем лодки висят серебристые щуки, похожие на металлических монстров. Корабельные сосны, взмывающие до самого неба. Незабвенная подруга Надежда, позже предавшая меня и до сих пор не прощенная мною. Суета.

Поднимаясь по лестнице, я нарочно стараюсь не смотреть в его сторону, хотя и не знаю наверняка, там ли он еще. Мог ведь уехать. Ох... С папкой под мышкой и рюкзаком за спиной он направляется туда же, куда и я, – к выходу. Высокий, очень худой, с прямыми, развернутыми плечами и танцующей походкой манекенщика. Но манекенщики не просиживают часами на ступенях древней обители, пытаясь выразить на бумаге подавляющее величие здешних мест.

Его хищная грация пленяет меня, и некоторое время я просто люблю издали каждым его шагом. Но тут он оборачивается и замирает на месте, будто перед ним не крашенная блондинка неопределенного возраста в шляпке и темных очках, а какой-нибудь Минотавр.

Кажется, у меня проблема. Он стоит, поджидая меня, прямо посреди площади, и нет никакой возможности избежать нежелательного знакомства. Боже, ну почему я такая дикая? Почему не могу просто подойти и поздороваться с человеком?

Глаза его скрыты стеклами солнцезащитных очков. Черные волосы, отросшие почти до плеч, перетянуты на лбу кожаным ремешком, как у индейца.

– Говорите по-английски? – спрашивает он. Тоже, разумеется, по-английски.

– Да, – отвечаю я после мучительных колебаний. – Немного.

– Немного? – Его одобрительная усмешка почему-то вызывает у меня негодование. – Хорошее начало. Обычно люди говорят слишком много и этим все портят.

Тембр его голоса завораживает. Баритон с легкой болезненной хрипотцой. Перекупался, что ли?

– Вы ходили к фонтану? – интересуется он, разглядывая меня сквозь темные стекла очков. Это страшно бесит, ослабляя мою решимость сохранить инкогнито. – Вам понравилось? Там сверху выбит знаменитый византийский палиндром¹, вы заметили? Знаете, что он означает?

– Что?

– *Смой все грехи, не только грязь с лица.*

Образованный, да? Что ж, примем к сведению. Уже у самых ворот он замедляет шаг и неожиданно спрашивает:

– Вы православная?

– А какое это имеет значение?

– Для православных вход в монастырь бесплатный. Конечно, это не так важно, но вы приходите каждый день...

Одарив меня странной улыбкой, лукавой и застенчивой одновременно, он поворачивается к привратнику и, к моему безграничному изумлению, начинает говорить с ним по-гречески. Бегло, без запинки, как на родном языке. Тот смотрит на меня, кивает, задает какой-то вопрос. Вопрос, ответ – обычное дело, вот только я не понимаю ни слова.

– Можете приходите в любое время, – объявляет мой спутник, завершив переговоры. – Вас пропустят без билета.

– Вас тоже пропускают без билета?

– Да, но по другой причине.

Пытается заинтриговать? Вряд ли. Несмотря на первоначальную неловкость и даже панику, вызванную его бесцеремонным вторжением в мой микрокосм, я все же признаю, что давно не встречала человека, которому удавалось бы держаться так раскованно, абсолютно естественно, без всякой фальши.

– А вы, наверное, католик?

Опять эта улыбка, похожая на молчаливые извинения. Снимет он, наконец, свои очки или нет?

– Католик? Не знаю. Боюсь, со временем я перестал чувствовать разницу.

Сильно сказано – «со временем»... Так, будто ему лет девяносто, в то время как ему от силы двадцать пять.

Тема эта слишком обширна и многогранна, чтобы обсуждать ее при сорокаградусной жаре на открытой автомобильной стоянке, откуда начинается не самый комфортабельный в мире спуск в долину Превели, поэтому я начинаю прощаться.

– Приходите завтра, – говорит он без улыбки. – В одиннадцать часов. Придете?

¹ Палиндром (перевертень) – слово, фраза или стих, одинаково читающиеся слева направо и справа налево, например, «кабак».

Ах, мерзавец!.. Я чувствую себя в западне. Сказать «да» – значит связать себя обязательством. Сказать «может быть» – это уже кокетство.

– Вы видели Нижний Превели?

Название он произносит по-гречески: Като-Превелис.

– Нет? Я покажу вам. Это недалеко. Сейчас он закрыт для посещения, но мы перелезем через ограду.

Я пытаюсь представить себя перелезающей через ограду в компании этого молодого хиппи, и мне становится нехорошо.

– Вы сошли с ума.

– Да. – Он очень серьезен. – И надо сказать, это было делом не одного дня.

– Завтра? – Я сосредоточенно перебираю в уме список несуществующих дел. – Не обещаю, но постараюсь.

Мой уклончивый ответ обескураживает его, и он не считает нужным это скрывать.

– Вы всегда так чертовски благоразумны?

А как же! Благоразумие – оно-то в конечном итоге и привело к этому состоянию коллапса, в котором ты обнаружил меня, прекрасный принц. А ты? Тебе что же, удалось стряхнуть с себя всю эту шелуху, именуемую приличиями, чувством ответственности, здравым смыслом?

– Ладно, – произносит он наконец, убедившись в том, что я безнадежна. – Если надумаете, вы знаете, где меня найти.

Все-таки люблю я разговаривать с англичанами. Как мило прозвучало это *well*, по-русски так ни за что не скажешь. Если бы при этом он еще следил за произношением, а то ведь бормочет, будто у него каша во рту. Но на слух красиво, особенно если не вдумываться в смысл. Просто слушать как музыку. Как речь аборигенов какого-нибудь меланезийского архипелага.

Я иду к машине, он – к мотоциклу. Оказывается, эта черная «ямаха», которую я заметила еще вчера, принадлежит ему.

– Последний вопрос, – окликает он меня, когда я уже распаиваю дверцу своей малышки.

– Вы приезжаете сюда каждый день. Почему?

Why? Он хочет знать *why*... Собираюсь с силами для правдивого ответа.

– Мм... Думаю, из-за дороги.

Брови его недоуменно приподнимаются, и я делаю попытку объяснить:

– Видите ли, здешние дороги, особенно последние шесть километров до Превели... Когда я ехала сюда первый раз, то на полпути вообще думала повернуть обратно. Мало того, что они не очень широкие, так еще и петляют то вправо, то влево, то в гору, то с горы. – Свою речь я сопровождаю жестикуляцией, что в общем-то мне несвойственно. – С одной стороны склон, с другой обрыв. И никаких ограждений! – Перевожу дыхание и всматриваюсь в лицо собеседника, бесстрастное, как у индейца. Должно быть, он считает меня идиоткой. – Второй раз тоже было не очень приятно, но уже легче. А сегодня я и не заметила, как добралась.

Он хмыкнул:

– Пожалуй, это причина, – и добавил после короткой паузы: – На западном побережье Крита есть такие места, по сравнению с которыми дорога на Превели – просто Бродвей.

Отвязный чувак на большом черном мотоцикле. Наверняка из хорошей семьи. Рисует, говорит по-гречески, лазает через заборы. Авантюрист доморощенный.

Выруливая со стоянки, я провожаю взглядом его «ямаху», уже набравшую приличную скорость. Минуту назад я имела удовольствие наблюдать, как красиво он стартует, а теперь шепчу себе под нос не то молитву, не то заклинание, от всего сердца надеясь, что он не свернет себе шею на этих убийственных виражах.

Когда я огибаю склон горы и по крутой дуге начинаю спуск к ущелью Курталиотико, мотоциклист на короткое время вновь оказывается в поле моего зрения. Он уже далеко, на подступах к следующему повороту. Ладони мои становятся влажными. Тормози же, дурак, тор-

мози... И тут же мне становится стыдно за свою слабость. Почему с ним обязательно должно что-то случиться? И вообще, с какой стати я так разнервничалась, ведь это же совершенно чужой человек!

На той же скорости он уверенно проходит поворот и скрывается с глаз.

Прости, художник, чьего лица я так толком и не разглядела, но на руины Като-Превелис ты полезешь без меня. Курортный роман с иностранцем – это не то, в чем я нуждаюсь в настоящий момент. Мне будет легко забыть тебя.

2

Я иду по мосту, ни с того ни с сего оказавшемуся на месте знакомой, исхоженной вдоль и поперек улицы моего родного города. На мне длинный плащ и солнцезащитные очки. Мост не то через реку, не то через пропасть, а по ту сторону – какой-то сказочный пейзаж. Хорошо видны беломраморные лестницы, анфилады и пропилеи, стройные и соразмерные колонны античных храмов, фонтаны посреди цветущего сада, прогуливающиеся по аллеям празднично разодетые люди. Полная радостных предчувствий, я устремляюсь вперед, но чья-то невидимая рука срывает с меня очки, которые падают на асфальт и разбиваются вдребезги.

От неожиданности я останавливаюсь, разглядываю осколки, сверкающие у моих ног. Потом поднимаю голову и что же вижу?.. Мост, до середины которого остается каких-нибудь десять шагов, уже не выглядит таким надежным, как поначалу. Напротив, перейти по нему на ту сторону нет ни малейшей возможности! Посередине зияет глубокая трещина, а из нее вырываются струи горячего пара, брызги кипящей смолы, красные языки пламени и прочие хрестоматийные ужасы, которые традиционно символизируют преисподнюю. На самом краю трещины, преграждая путь смельчакам, в огненном зареве пляшут и кривляются жуткие твари, одна другой страшнее. Вместо волос ядовитые змеи, с острых клыков капает кровь. Это не призраки – это существа из плоти и крови, настоящие исчадия ада, и они мало-помалу приближаются ко мне.

В панике я оборачиваюсь, чтобы узнать хотя бы, кто и зачем сорвал с меня очки. В очках я бы смогла безопасно добраться до чудесного города! Откуда такая уверенность, я, правда, не знаю. Возможно, это заблуждение. Итак, я оборачиваюсь и вижу злоумышленника. Он совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. И хотя в его облике нет ничего пугающего, выглядит он престранно. Человек, но с таким обилием патологий, что назвать его мужчиной или женщиной можно только с натяжкой. Черты лица расплываются, тают, обозначаются на какой-то миг и тут же вновь ускользают от восприятия. Выражение глаз беспрестанно меняется, играя гневом, любовью, сочувствием и лукавством, кожа становится то белой, то шоколадно-коричневой, то желтой, то зеленой. Созерцание этого калейдоскопа лиц способно свести с ума. Тело его находится в постоянном движении: руки сгибаются и разгибаются, ноги выписывают немислимые кренделя, суставы, кажется, гнутся во всех направлениях. В целом он производит впечатление чего-то вязко-текучего, полиморфного, неуловимого, как Протей². К тому же он смеется.

– Извини, это просто шутка. Иди дальше. Очки тебе больше не нужны.

Он не произносит это вслух, его голос звучит прямо у меня в голове, как и смех.

– Я не могу, – возражаю я. Тоже, кажется, мысленно.

– Не можешь? Почему?

Тем временем чудища подбираются все ближе.

– Они убьют меня, – говорю я в отчаянии. – Разорвут на части. Я умру!

– Конечно, умрешь, – соглашается он. – А ты хотела попасть в страну бессмертных, не вкусив смерти? Опомнись, Инанна. К чему тащить за собой весь этот хлам?

Пританцовывая на месте с грацией феи или русалки, он касается моей правой руки, и кожа начинает сползать с нее, подобно змеиной, обнажая кости. С криком ужаса я отдергиваю руку, его прикосновение причиняет дикую боль.

– Это я и пытаюсь объяснить тебе, дитя, – звучит негромкий, подобный музыке голос. – Ты слишком уязвима в этом теле. Тебе надо измениться, если ты хочешь продолжить свой путь.

² Протей – в греческой мифологии морское божество, обладающее пророческим даром и способностью принимать любой желаемый облик.

– Не могу, – отвечаю я, вся дрожа. И начинаю пятиться назад. – Пожалуйста, отпусти меня.

– А кто тебя держит?

Со смехом он протягивает мне очки, целые, без единой царапины. Надев их, я уже не вижу ни этого странного существа, ни монстров из трещины, ни самой трещины. Самый обыкновенный мост, и я – единственный пешеход. Позади – город, откуда я пришла; впереди – город, куда я направлялась. Передохнув, я решаю идти не назад, а вперед, на этот раз в очках. Однако и вторая моя попытка заканчивается неудачей. Та же невидимая рука сдергивает с меня очки и разбивает об асфальт.

– Пойми, в очках ты можешь двигаться только назад. Чтобы идти вперед, тебе необходимо обрести зрение.

– Да кто ты такой? – кричу я и в ярости топаю ногами.

Осколки брызжут из-под моих каблуков. Я слышу смех. Тот же ужасный смех. И больше ничего.

– Ладно. – Из глаз моих льются слезы, но я, вопреки собственному нежеланию, делаю шаг за шагом до тех пор, пока не оказываюсь возле самого края обрыва. – Что дальше?

– Вперед, – звучит за моей спиной спокойный голос.

– Вперед – куда?..

Ответа нет.

Во сне мне вспоминается фильм – это уже форменное безумие – голливудский фильм про археолога Индиану Джонса. Он стоит, так же как я сейчас, у края пропасти и лихорадочно соображает, что же делать дальше. Что все это значит? В чем подвох? Я помню, что он в итоге сделал, и делаю то же самое. Шаг вперед. Шаг в пустоту, чем бы это ни грозило. И чувствую под ногой твердую почву. Огненные твари жалят меня со всех сторон, но я иду через плюющуюся огнем трещину, содрогаясь от ужаса и сознания невозможности повернуть назад. Точка пути, в которой это было еще возможно, пройдена. Конец. Спасения нет.

– Не бойся.

Та же рука, что разбила мои очки, вешает мне на шею амулет – гладкий равносторонний крест на золотой цепочке. Амулет тоже непрерывно меняет форму. Через минуту он становится свастикой, еще через минуту – змеей, кусающей свой хвост, и так далее, до бесконечности. Целый ряд символов, значение которых мне неизвестно.

Я иду вперед, а мост рушится за моей спиной с оглушительным грохотом. Помня о печальной участи жены Лота³, я не оборачиваюсь, но дрожу всем телом. Мои волосы встают дыбом. Я кричу. И просыпаюсь в холодном поту, с тяжело бьющимся сердцем.

Это только сон. Только сон.

Я лежу в своей постели в одноэтажном белом домике на северном побережье Крита, неподалеку от селения Аделе, куда приехала, чтобы обрести душевный покой и уверенность в себе. Через щель между занавесками в комнату проникает яркий солнечный свет, за стеной слышится возня и осторожные шаги Урании, которая убирается в гостиной.

Услуги Урании, как и многое другое, в том числе сам дом со всей системой жизнеобеспечения, оплачивает некий преуспевающий бизнесмен из Гамбурга, потому что я, так уж получилось, младшая сестра его жены. Она-то и предложила мне пожить здесь до начала июля, а если понравится, то и до осени. Мол, поскучай немного, а там и я с детьми подъеду. До их приезда оставалось восемь с половиной недель.

³ В ветхозаветном предании жена Лота, племянника Авраама, была превращена в соляной столп за то, что нарушила запрет Яхве и оглянулась назад, когда ангелы выводили семью Лота из гибнущего в огне города Содомы.

Дом просто великолепен. Четыре комнаты (три спальни и гостиная), кухня-столовая, небольшая кладовка, санузел с ванной плюс увитая цветущей бугенвиллеей терраса, не говоря уж про выложенный голубой кафельной плиткой бассейн.

Но в бассейне я не купаюсь. Вместо этого я складываю в пакет купальный костюм, полотенце и крем от загара, сажусь в серебристую «киа-пиканто» и еду на один из пустынных пляжей Аделиано-Кампо. В разгар сезона здесь яблоку негде упасть, а сейчас, в середине апреля, туристов не так уж много, да и те, что есть, все больше отсиживаются на берегу.

Я уже успела побродить по узким улочкам Старого города, посидеть в тени у фонтана Римонди, выпить восхитительный черный кофе в таверне на набережной с видом на Микро-Кастро и в одном из ювелирных магазинов на улице Аркади купить себе греческий православный крест.

Венецианская гавань Рефимно переполнена рыбацкими лодками и прогулочными катерами. Кипучая деятельность, отрывистая незнакомая речь, темные глаза, смуглые лица, головкружительный запах морской воды... Это Крит, твержу я про себя, повторяю как заклинание. Крит, родина великого бога древних. Земля, исполненная благодати. Она, и только она дарует исцеление тому, кто безнадежно увяз в лабиринте ничтожных, абсурдных, сиюминутных житейских проблем.

«Размазней ты была, размазней и осталась, – сказала мне Ритка при встрече (муж называл ее Марго, но для меня она была по-прежнему Ритка), – младшая дочь, с тобой вечно носились. Можно подумать, ты единственная женщина, пережившая развод. Не бедствуешь – это главное. А нечего было выходить за дурака! Помиришься с папой, и у тебя все будет».

С папой я помирилась, кровь не водица. А дальше-то что? Где источник живой и мертвой воды? Кто я есть – там, внутри, под этой жалкой, издерганной, рефлексирующей оболочкой?.. Все это здорово портило мне настроение. Позади остались зима, потом весна, а я все ходила кругами по выжженным землям своего Царства несбывшихся надежд и не находила там ни золотого ключика, ни волшебной дверцы за нарисованным очагом, которую можно было бы этим ключиком отворить. Словом, я переживала то, что Кэмпбелл в своем фундаментальном труде «Маски бога» называет «темной ночью души».

На свидание к художнику с походкой танцора я, разумеется, не поехала. Мальчик на десять лет моложе. Ну, допустим, не на десять. Допустим, на восемь. Но уж на шесть-то наверняка! Нет, дорогие мои, я еще не выжила из ума.

А тут еще этот сон, точнее, кошмар. Давненько мне не снилось ничего подобного. Смеющийся демон: *опомнись, Инанна*. Инанна – богиня древних шумеров, одной из первых совершившая *descensus ad inferos*⁴ и благополучно вернувшаяся обратно. Почему он назвал меня так? Кто он такой? Танцующие движения. Космический танец Шивы. Мать честная, что за каша у меня в голове?

...и ответил бог: «Мой дорогой Арджуна, сын Притхи, созерцай же теперь мое величие, сотни тысяч разнообразных божественных и многоцветных форм. Смотри на все эти чудеса, которых до тебя никто не видел и о которых никто никогда не слышал. О, Арджуна, что бы ты ни захотел увидеть, все это есть в Моем теле. Эта вселенская форма может показать тебе все, что ты пожелаешь увидеть сейчас и что ты захочешь увидеть в будущем. Все – движущееся и неподвижное – находится здесь, в одном месте. Но ты не можешь видеть меня своими нынешними глазами, поэтому Я наделяю тебя божественным зрением. Узри мое мистическое могущество»⁵.

Странно, должно быть, чувствовал себя этот парень, Арджуна, услышав подобное от своего друга-колесничего перед началом кровавой битвы. Но странно – это не страшно. Мне же

⁴ Сошествие в ад (*лат.*).

⁵ Бхагавад-Гита, глава 11: Вселенская форма.

во сне было страшно. А на предплечье левой руки, которой коснулся демон, наутро выступило красное пятно. Впрочем, к обеду прошло.

– Мадам, ужин готов, – доносится из кухни голос Урании. – Подать вам на террасу?

Приветливая, расторопная Урания одно время работала горничной в отеле, поэтому худо-бедно говорит по-английски.

Я отпускаю ее домой, заверив, что уж с посудой как-нибудь справлюсь сама, и с легким ужасом обозреваю гору съестного, предназначенную для утоления голода одинокой женщины тридцати пяти лет. Эти греки неисправимы. Наверное, с моего стола можно запросто накормить какую-нибудь бедную африканскую семью из семи-восьми человек, да еще пару котов в придачу.

Коты и кошки, кстати, обитают здесь в большом количестве, что не может не радовать. Поджарые, короткошерстные, на высоких тонких лапах, с длиннющими хвостами и большими ушами, с треугольными мордами и раскосыми зелеными глазами, кошки эти еще в гомеровскую эпоху попали на Крит из Египта, и с тех пор сотни маленьких Баст⁶ бродят по окрестностям, оглашая воздух пронзительными воплями и мяуканьем.

Управившись с посудой, я вновь выхожу на террасу с книгой и бутылкой Метаксы, чтобы послушать звуки критской ночи, полюбоваться далекими огнями на склонах гор, а заодно поразмыслить, кем же может быть тот невероятный персонаж, что предстал мне во сне. Проводник душ вроде Гермеса и Мананнана Мак Лира?⁷ Или страж порога? Присутствие границы было очень явным. Я шла по мосту. И мост раскололся надвое. *Не бойся.*

По дороге проносится автомобиль, и опять никого. Только попискивают в темноте какие-то птицы, шелестят ветвями оливковые деревья, и где-то внизу, в туристической зоне, соединяющей поселки Миссирия и Платанья, играет музыка, которая здесь почти не слышна.

Я читаю при свете настольной лампы.

*Путь мифологического приключения героя соответствует формуле всякого обряда перехода: уединение – инициация – возвращение... герой – это мужчина или женщина, которым удалось подняться над своими собственными и локальными историческими ограничениями к общезначимым человеческим формам.*⁸

Вот бы еще понять, по какой причине я упорно продолжаю думать о нем. Мальчишка просто скучает. Не удивлюсь, если он подбивает клинья под каждую вторую туристку в возрасте от двадцати до сорока, не обремененную нравственными принципами, комплексом неполноценности и спутником жизни. Черт! Я начинаю рассуждать как среднестатистическая циничная разведенка.

«Тебе нужно пересмотреть свое отношение к жизни, – порекомендовала моя добрая сестрица, – и как можно скорее снова выйти замуж».

«Почему?» – тупо спросила я, в глубине души убежденная, что как раз этого делать не стоит.

«Жить одной легче, чем жить в семье. Такое существование может понравиться, и ты уже не захочешь впрягаться в эти оглобли».

Помню, о чем я тогда подумала: это говорит образцовая домохозяйка, примерная жена, мать двоих детей.

⁶ Баст – в египетской мифологии божество Луны, отражающей свет Солнца. Священное животное Баст – кошка. Изображали Баст в виде женщины с головой кошки; ее атрибут – музыкальный инструмент сistr. Древние греки отождествляли Баст с Артемидой.

⁷ Мананнан Мак Лир – в ирландской мифологии бог морской стихии, покровитель торговли и мореплавания, а также подземного мира, бездны, всего иррационального.

⁸ Джозеф Кэмпбелл. Тысячеликий герой.

Мифологический герой – не защитник настоящего, а борец за будущее. Дракон, которого он должен убить, – это чудовище статус-кво: цепкий хранитель прошлого. Герой является из неизвестности...

Моя ближайшая подруга высказалась приблизительно в том же духе: «Если ты хочешь уверенности в завтрашнем дне, тебе, безусловно, следует выйти замуж».

Я посмотрела на нее, незамужнюю, с большим интересом.

«Почему?»

«Ну-у, муж – это деньги, социальная защищенность, престиж...»

«Сдается мне, для престижа заводят борзую, а не мужа».

«Да, но борзая не решит твоих проблем, – резонно возразила она, – по крайней мере ВСЕХ проблем».

...и приносит с собой тайное знание, необходимое для уничтожения тирана. Жестом, простым, как нажатие кнопки, он разрушает кажущиеся вечными формы. Подвиг героя – это всегда сокрушение кристаллической структуры момента.

Такие слова для меня все равно что нож по сердцу. Сейчас я чувствую себя как замороженный полуфабрикат – покрытый ледяной коркой, отвердевший и совершенно не готовый к употреблению. Воды Эгейского моря ежедневно омывают меня, придавая суставам гибкость, коже – эластичность, ногтям – твердость и блеск. Все это прекрасно, за одну неделю я помолодела на несколько лет. Но внешний лоск, подобно грамотно спроектированному и отстроенному фасаду, создает лишь видимость благополучия, которого в действительности может и не быть. Фасад императорского дворца поражает воображение, даже когда империя на грани катастрофы. Кровопролитные войны, эпидемии, засуха, неурожай – все это незаметно для путешественника, с восторгом созерцающего золотые купола, фигурные порталы, арочные оконные проемы и цветные витражи.

Как существует понятие поворотной точки года – Небесной петли богини Кардеи, вокруг которой, согласно Варрону, вращается мельничный жернов Вселенной, – так и в моей, отдельно взятой человеческой жизни, судя по всему, намечался какой-то катаклизм.

Бессознательное посылает нам разного рода фантазмы, ужасы, иллюзии... ибо под фундаментом сравнительно упорядоченного строения, которое мы называем нашим сознанием, мир человека простирается далеко вниз, в неизведанные глубины, где обитают демоны – могущие психические силы, которым мы не захотели или не осмелились дать волю...

Легко сказать: дать волю психическим силам! Многие ли из нас это делают? Не захотели, а может, не осмелились. А зачастую даже и не задумались над этим. Ведь до определенного момента просто живешь так, как тебя приучили считать правильным, и вроде все у тебя как у людей, а потом – бабах! – просыпаешься, а вокруг руины. Руины того замка, который ты, оказывается, построила на песке.

...и они пребывают там до тех пор, пока случайное слово, или запах, или взгляд не коснется магической пружины, и тогда наш мозг начинают посещать опасные посланники. Они опасны потому, что угрожают нашей уверенности в будущем, но они также дьявольски пленительны, ибо сулят ключи от целого царства...

Всё, хватит! Знать ничего не желаю!

Захлопываю книгу, залпом допиваю бренди и иду спать. Проваливаюсь в пьяную дрему, но среди ночи просыпаюсь вне себя от ужаса. Кто-то громадный и разъяренный, как Змей Горыныч, склонился над моей постелью и плюнул огнем мне в лицо.

Бреду на негнущихся ногах к холодильнику, пью холодную воду, умываюсь, закуриваю, варю себе кофе в полтретьего ночи. Потом сижу над чашкой за круглым, накрытым белой льняной скатертью столом в маленьком домике на одном из островов Средиземного моря и долго пытаюсь вспомнить, кто я.

3

Ровно в одиннадцать я уже на стоянке. Торопливо оглядываюсь по сторонам. Нет, черной «ямахи» нигде не видать. Да и машин-то всего четыре, не считая моей. Может, он приехал на одной из них? Трудно представить, но чего в жизни не бывает.

За полчаса я облазила весь монастырский двор, сбегала к фонтану, заглянула в кафоликон⁹ – этой сволочи нигде не было.

А кто тебе сказал, дуреха, что он здесь? Да что ему здесь делать, если он уже запечатлел на бумаге каждый камень, каждую трещину на ступенях этой святой обители? Рванул небось в Агия-Триада или еще куда-нибудь, достопримечательностей на острове хоть отбавляй. Да и вообще, порядочные люди так не поступают. Если ты хотела его видеть, надо было приезжать в назначенный день и час. Ведь вы договаривались, и он, возможно, ждал, а ты в это время валялась на пляже, или дула Метаксу, или таскалась по торговым кварталам Рефимно, разглядывая всякие никчемные безделушки.

Что ж, может, это и к лучшему. Посижу немного в тени, отдохну и поеду в Аркади. Осмотрю тамошний знаменитый монастырь, сделаю несколько фотографий. Зачем мне этот мальчишка? Испытать на нем силу своих неотразимых чар? Пфф...

Солнце припекает. Справившись с эмоциями или убедив себя в том, что справилась, ядвигаю в обратный путь. Привратник нехотя поднимает глаза, молча кивает на прощание, и я киваю в ответ. Денег за вход он с меня не взял. Узнал и жестом велел проходить, что, конечно же, дополнительно кольнуло меня в область сердца. Может, попробовать расспросить его об этом парне? Ведь они знакомы, в чем я лично убедилась в прошлый раз. Но я ни о чем не спрашиваю – не потому, что стесняюсь заговорить с монахом, а потому, что боюсь услышать в ответ, что мой художник свалил на родину (в Англию, Шотландию, Бельгию, Данию, Голландию) и в ближайшее время вряд ли появится в Превели. Что он не появится больше никогда.

В час дня я все еще дежурила на стоянке, изредка наведываясь в ближайший кафетерий, чтобы выпить минеральной воды или просто посидеть под навесом. Все боги Олимпа, должно быть, потешались надо мной. Ну и что с того? Мне некуда спешить и нечего терять. Свободная женщина с массой свободного времени.

Рев мотора заставил меня подскочить, а мое сердце – удвоить частоту сокращений. С горящей сигаретой в одной руке и бутылкой минеральной воды в другой, я стремительно обернулась. Не может быть...

Тяжелый черный мотоцикл летел прямо на меня. Черные волосы наездника развевались от ветра. Плотнo прилегающие к голове мотоциклетные очки с дымчатыми стеклами не позволяли разглядеть лицо. Да и могу ли я сказать, что видела его хоть однажды.

Выключив двигатель, он позволил мотоциклу подкатиться ко мне (я стояла у парапета, за моей спиной была пропасть), улыбнулся, не снимая очков, да так и остался сидеть, упираясь ногами в землю, скрестив руки на руле. Мужчина и его железный конь. Очень эффектно.

Прижимая к груди бутылку с водой, я с ужасом ждала его первых слов.

– Итак, вы это сделали. – Улыбка стала шире, блеснули белые зубы. – Непросто было принять такое решение, правда?

Я нервно сглотнула.

– Почему же?..

– Потому что сегодня вы приехали не в Превели. Вы приехали ко мне.

⁹ Кафоликон – буквально «всеобщий». Центральный собор греческого монастыря.

Можно было разыграть возмущение и наговорить кучу разных слов, но я знала, что это бесполезно. Он выслушает, улыбнется понимающе и сменит тему, а меня еще долгое время будет преследовать чувство неловкости, как бывает, когда допустишь какой-нибудь непростительный промах.

– Ты прав, – произнесла я намеренно резко. – Но ведь ты этого хотел, разве нет?

Сраженный ответом, он дрогнул, совсем чуть-чуть, и вцепился пальцами в руль мотоцикла. Что-то задело его за живое. Знать бы, что именно.

– Да, – ответил он после паузы. – Правда, я думал, что это произойдет намного раньше.

Рубашка у него на груди часто приподнимается от дыхания. На верхней губе поблескивают капельки пота. Его поза – расслабленная, непринужденная – выглядит непреодолимо сексуальной.

– Раньше? – Я пожала плечами. – Ну, вчера я была занята.

Слушая эту ложь, он лишь сокрушенно качает головой.

– Вас не было четыре дня.

– Четыре дня? – переспросила я в притворном изумлении. – Неужели?

Всякий раз, когда меня вынуждают лгать или же я добровольно принимаю решение ограничиться полуправдой, мне сводит челюсть. Для окружающих это почти незаметно, и тем не менее...

– Вы рискуете обжечь пальцы.

С этими словами он забрал у меня окурок, демонстративно затащился от него и щелчком перебросил через парапет.

– Четыре дня. Я знаю точно.

Выпрямившись, он засучил рукав и показал мне четыре ножевых пореза на предплечье правой руки. Темные от запекшейся крови, они выглядели так, будто кто-то, а точнее, он сам, четыре раза подряд рубанул ножом поперек предплечья, подражая героям вестерна, которые при помощи зарубок на стволах ружей ведут счет убитым краснокожим. Один из порезов был совсем свежим, слегка воспаленным. Наверное, появился только вчера.

Он спокойно держал передо мной вытянутую руку – великолепную, мускулистую, тонкую в запястье руку, – давая мне хорошенько рассмотреть.

– Я ждал вас, но вы не пришли. – Голос звучал буднично, словно он говорил о погоде. – На следующий день я ждал опять, но вы опять не пришли. Я был не в силах вырваться из этого заколдованного круга и наказывал себя за это. Не спрашивайте, что бы я стал делать, если бы вы не пришли совсем. Я не знаю.

Я остолбенело уставилась на него, лишившись дара речи.

Так искромсать себе руку только из-за того, что... Из-за чего? Я почти увидела, как это происходило. Резкий взмах, сверкнувшее лезвие, закусенные губы...

– Ты сумасшедший, – вырвалось у меня. – Ты просто псих!

– Да, и надо сказать, это было делом не одного дня.

Медленно он выбирается из седла, подходит ко мне вплотную (высокий парень, выше меня на полголовы, хоть я и не маленькая), снимает с меня соломенную шляпку, потом очки. Складывает все это на капоте моей машины, поворачивается и, протянув руку, прижимает ладонь к моему затылку, словно для поцелуя.

Ну, знаете ли!.. Я смотрю на него, шурясь от солнца. Тоже мне Клинт Иствуд!

Моя фантазия несколько приукрасила его. При ближайшем рассмотрении он оказался... более обыкновенным, что ли. Интересно, собирается он в конце концов снять свои очки?

Потеряв терпение, я сдергиваю их сама. И застываю, почти бездыханная.

Как я могла подумать, что ему двадцать пять лет? Этот взгляд с прищуром – неожиданно цепкий, пронизывающий, жесткий – взгляд нацистского преступника. Тонкая сетка морщин в углах глаз...

– Вот почему ты не снимаешь очки при первом знакомстве.

Он кивнул:

– Мои глаза пугают людей.

Я тоже чувствую себя озадаченной. Мой новый знакомый выглядит форменным маньяком, но не в этом дело. Есть одно обстоятельство, которое беспокоит меня гораздо больше, чем его внешний вид. Он изранил себе ножом то же самое место на той же самой руке, откуда во сне у меня сходил кожа от прикосновения многоликого демона.

Меня преследует и тяготит сознание неотвратимости происходящего со мной в последнее время. Это незнакомое, пугающее чувство. Похоже, я попала в сферу действия каких-то инфернальных сил – по глупости или по неосторожности.

Стоящий передо мной мужчина даже не пытается помочь мне. Его светлые, почти прозрачные глаза – глаза цвета морской воды, какой она бывает в утренние часы на мелководье, – скользят по моему лицу, по груди в распахнутом вороте блузки, заставляя меня поджимать губы с нарочито неприступным видом. Светлые глаза, слегка выступающие скулы, волнующие очертания губ...

– Может, выпьем по чашечке кофе? – Он все же решил прервать затянувшееся молчание. Снял руку с моего затылка, сделал шаг назад и снова стал далеким и чужим, как раньше. – Или поедем купаться? Или еще куда-нибудь?

– Кажется, вы собирались показать мне Нижний Превели, – напомнила я, безоговорочно принимая правила игры.

Чужие так чужие.

– Да, конечно. Я рад, что вы помните.

И вот наша колонна, состоящая из мотоцикла и малолитражки, начинает движение к заброшенной пустыни, расположенной в трех километрах от приморского монастыря. Заявленная скорость – сорок километров в час. Зная о моем отношении к горным дорогам, ведущий милосердно придерживается ее, хотя в глубине души наверняка считает это капризом.

Изъеденные временем живописные звонницы и башенки Нижнего Превели видны прямо с дороги, поскольку сами постройки теснятся ниже по склону. Ни дверей, ни оконных переплетов. Только каменные стены. Глядя на них сквозь высокую сетчатую ограду, я задаю себе вопрос, каким образом туда может проникнуть живое существо крупнее крысы. Однако мой спутник исполнен оптимизма, и вскоре мы уже стоим перед полуразрушенным зданием, которое не имеет ни кровли, ни балок перекрытия, только желтовато-серые облупленные стены с остатками штукатурки, и обсуждаем вопрос, стоит ли забираться внутрь или лучше ограничиться созерцанием этой остро нуждающейся в реставрации святыни с безопасного расстояния.

– Предлагаю подняться вон туда. Может, нам повезет, и мы отыщем святая святых и чудом сохранившийся древний алтарь. Ну что, вы согласны? В худшем случае все это рухнет нам на голову, и мы окажемся погребенными под руинами храма Господня вместе со святыми отцами. Существует ли лучший способ уйти из этого мира? Смотрите под ноги, ступени совсем обвалились. Стойте-ка, я проверю, нет ли там призрачного стража с огненным мечом в одной руке и распятием в другой. Ага... Ну, идите сюда. Дайте руку. Это место силы. Чувствуете?..

И всё в том же духе.

Осмотр печальных, но по-своему величественных развалин доставил мне настоящее удовольствие. Мой самозванный гид вел себя безупречно. Приподнимал, поддерживал, отряхивал, без конца задавал вопросы типа «все в порядке?», «вы не устали?», «как по-вашему, здесь не слишком грязно?» А главное, так и сыпал всевозможными историями о временах венецианского и турецкого владычества, о критских повстанцах, скрывавшихся в горах, о неравных битвах, когда монахи вставали плечом к плечу с мирянами, об открытии древнейшей в Европе минойской цивилизации.

– Вы любите этот остров, – заметила я, когда мы окончательно выбились из сил и присели на запыленные ступени одной из построек.

– Что, заметно? Можете не отвечать. А вам здесь нравится?

– Ну, в общем...

– Вы давно на острове?

– Уже неделю.

– Вот как? – переспросил он с иронией. – Уже целую неделю? – Его зеленоватые глаза на мгновение задержались на моем лице. – Откуда вы?

– Из Москвы.

– Из Москвы в России?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.